

люди искусства

САМОЕ ДОРОГОЕ

А. СОЛОДОВНИКОВ

ямы «Трамвай «Желание» и мюзиклом Д. Вассермана и Д. Дэрнона «Человек из Ламанчи». Философские «Беседы с Сократом» Э. Радзинского удивительным образом переключаются с клокующей публицистикой «Интервью в Буэнос-Айресе» Г. Боровика. Ученый мир в «КПД одержимости» Я. Волчека выступает своеобразным продолжением деревенских «Характеров» В. Шукшина.

Все разное. Решение каждого раз необычное. И все подчинено стремлению «вовлечь зрителей в глубокие размышления о самом дорогом в жизни». Гончаров творит, чтобы люди в театре познавали новое, а не узнавали знакомое. Отсюда широкий диапазон репертуарных и творческих поисков. Отсюда — чувство времени и неутомимая жажда творить, искать, пробовать.

Легко ли все это? Не думаю. Гончарова не так часто видишь улыбающимся, а тем более удовлетворенным. Но не здесь ли таится истинное счастье художника? «Покой нам только снится» — это впрямую про Гончарова. Да и во сне вряд ли ему снится покой. Для него постоянно это дума о соратниках, о людях, способных вместе с ним выполнять высокую миссию театра. Прейде всего дума об актерах.

Актеры тянутся к Гончарову. И труппа Театра имени Вл. Маяковского ныне одна из сильнейших в Москве. Известна разработанная им теория «человеко-артиста». Он не раз выступал с изложением ее.

«Перевоплощение в образ, по Гончарову, не должно скрадывать индивидуальность артиста, а, наоборот, всячески выявлять ее. В сценическом образе актер должен жить всем своим существом, всем своим жизненным опытом, всем благородством своего темперамента и своих чувств. Умозрительное постижение роли ничего не дает. Жизнь в образе постоянно надо сопоставлять с собственной жизнью, со своими наблюдениями, размышлениями, с ощущением истинной ценности добра и отращением к злу.»

Именно тогда талант раскрывается в полную меру своей эмоциональной заразительности. А это вернейшее средство завязать горячий диалог со зрителем, добиться с ним истинного взаимодействия.

Так в коллективном искусстве театра Гончаров стремится соединить в нечто творчески целостное ансамбль и индивидуальность артиста. Это отнюдь не про-

сто. Ибо выявление индивидуальности не есть ее выпячивание ради дешевой жажды личного успеха. Успех должен завоевать спектакль — творение общее.

Х Андрею Александровичу удается достигнуть взаимопонимания с актерами потому, что он обладает природным педагогическим даром. Он начал преподавать в ГИТИСе, едва оперившись, в двадцать семь лет. И вот уже больше трех десятилетий — в постоянном контакте с молодежью. Кажется мне, что для Гончарова нет большего удовольствия и большей радости, чем наблюдать рост молодого дарования и активно содействовать его росту.

Конечно, в итоге наибольшую радость получает зритель. Вспоминаю, какое чувство художественного наслаждения и благодарности режиссеру-педагогу вызвал у меня (да и у всех) спектакль «Характеры», поставленный Гончаровым с совсем юными артистами на малой сцене.

Способность находить сценическую образность, наиболее адекватную образности и мысли автора, — это меня привлекает в Гончарове больше всего. Новый автор — новое решение, новая образность и поэтика спектакля. Очевидно, истинная суть режиссерской индивидуальности не в самоповторении, а в способности, не теряя себя, бесконечно отдавать себя автору, а через него зрителю.

Значит, главное — богатство. Богатство мыслей, творческих приемов, разнообразие авторских имен, тем, жанров. И все это — как органическая потребность слушать и слышать время, воплощенное в сегодняшней зрительской аудитории. Слушать ее, впитывать ее настроения, чтобы сделать пришедших в театр духовно богаче.

У А. Гончарова огромный творческий опыт. После фронтового театра он работал в Театре сатиры, в Театре имени М. Н. Ермоловой, в Московском драматическом. Накопленное уже десять лет отдает театру Маяковского. Богатства его души и его таланта не иссякают, ибо, отдавая, он не перестает приобретать — от жизни, от эпохи. Здесь и таится секрет молодости его творчества.

Андрею Александровичу Гончарову шестьдесят. Ну, что ж! Будем считать, что он переступил порог творческой зрелости. И будем ждать новых его открытий, способных поднимать из глубины человеческой души чувства благородные и чистые.

Народный артист СССР А. Гончаров.

СОВЕТСКОЕ искусство едино. Каждый истинный художник неповторим. Диалектическое взаимодействие этих двух начал составляет, возможно, один из самых верных признаков таланта.

Способность продолжить дело, начатое другими, не повторяя их, — одно из самых ценных завоеваний нашей творческой этики и нашей эстетики.

Когда из жизни ушел Н. П. Охлопков, Театр имени Вл. Маяковского, который Николай Павлович не просто возглавлял, а строил как бы заново, осиротел. Казалось, надолго.

Кто мог заменить неповторимого Охлопкова? Кто мог удержать этот театр на уровне «Молодой гвардии», «Грозы», «Гамлета», «Океана», «Иркутской истории», «Меден»? Удержать и повести дальше? Кто, смелый, на подвиг опасный решится? Простого ответа не было.

И все же смелый нашелся. Им был Андрей Гончаров. В течение четверти века перед этим жизнь подвергала Гончарова серьезнейшим и многосторонним испытаниям.

Сразу после ГИТИСа он пошел воевать. Был серьезно ранен и мог лишиться руки. Выстоял. После демобилизации вернулся в строй в качестве руководителя Первого фронтового театра ВТО. Работал на Северном флоте, в еще блокадном Ленинграде. Бывал под обстрелом и бомбежкой. Узнал ярость ледяных штормов и научился со своим маленьким коллективом давать спектакли в любых условиях. В те трудные годы он стал коммунистом. А из фронтовых университетов вынес одно, может быть, самое главное для него (и не только для него) убеждение: «этика может быть высшей формой эстетики». Преданность высокой идее, готовность во имя ее отдать все и держать ее до конца — вот что закало его характер и определило особенности его творческой индивидуальности.

Чувство контакта с аудиторией, драгоценное для художника чувство слитности с народом, приобретенное и завоеванное в военные годы обрело художественное качество: современность образного мышления. Я бы добавил еще — современность и своевременность. Гончаров не регистратор вкусов, надежд, интересов зрителей. Он их прогностичен. Он их формирует и направляет. Это и делает его неповторимым, а порой неожиданным.

Андрей Александрович приглашает, скажем, на премьеру «Детей Ванюшина». Пьеса живет в твоём сознании, удобно расположившись в уголках памяти под рубрикой «семейная драма». И вдруг — острейший социальный памфлет.

Пока ходишь, размышляешь о параметрах и критериях, определяющих наше отношение к классике, Гончаров преподносит новый сюрприз — «Банкрот, или Свои люди — сочтемся». Островский с частушками, припевами, пританцовыванием. А через все это — волчий оскал «взрослеющего» русского буржуа, для которого совесть, родство, уважение к старшим — все пустяки перед возможностью хапнуть капитал. И на этот раз купец Большов выступает персонажем уже не комедии, а трагикомедии.

Есть ли идейно-творческая логика в подобной переадресовке жанров? Несомненно. Гончаров ее разъясняет так: «Сегодня ведущая тема нашего Театра имени Вл. Маяковского — это борьба духовности с бездуховностью в широком и глубоком смысле этих понятий».

Благородство, высокая культура чувства, нравственная стойкость и чистота — в непримиримой борьбе с воинствующим мещанством, своекорыстием, карьеризмом, накопительством, бездумной растратой времени, сил, жизни...

Здесь коренится «сверхзадача» режиссера А. Гончарова.

Всегда удивляют широта его творческих устремлений, жажда изведать, испробовать все жанры, все формы, все темы ради главной цели. «Мария» А. Сальнского и «Неопубликованный репортаж» Р. Ибрагимбекова соседствуют с драмой Т. Уиль-